

УДК 165.62
DOI: 10.18101/1994-0866-2019-4-10-24

К 160-летию юбилею Э. Гуссерля

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ

© Тимощук Елена Андреевна

кандидат философских наук, доцент,

Высшая школа государственного управления РАНХиГС

Россия, 600017, г. Владимир, ул. Горького, 59а

E-mail: e@timos.elcom.ru

Автор раскрывает сущность феноменологического метода как особой объективированной созерцательности, основанной на фундаментальном принципе Гуссерля «Назад к вещам». Читателю предлагается идея феноменологии как необходимого хода развития неклассической науки. Автор исходит из позиции, что феноменология может претендовать на статус реалистической философии. Работы Гуссерля и Хайдеггера, Ингардена и Шюца, Бергера и Лукмана обеспечивают доступ к субъективному знанию и чистому восприятию, вместе с тем представляют собой достаточно строгие и систематические учения для репрезентации жизненного мира участников с высокой степенью точности. Уникальность и ценность феноменологии заключается в том, что она, в сравнении с другими количественными и качественными методами и подходами (конструктивизм, этнографистика, биографистика, исследование действием, контент-анализ, феминизм, гендерный подход, критическая теория, постструктурализм, психоанализ, исследование медиа, деконструктивизм, нарратология, исследования культуры), вдохновляет нас на более глубокое понимание ценности жизненного мира. Задача для феноменологов заключается в том, чтобы снять понимание чистой предметности с объекта и донести его до реципиентов научного знания

Ключевые слова: Э. Гуссерль; объективность; интенциональность; многослойность; жизненный мир; эпохé.

Для цитирования

Тимощук Е. А. Феноменология объективности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. Вып. 4. С. 10–24.

Введение

Актуальное значение социокультурной феноменологии или ноэзо-ноэматического подхода заключается в очищении содержания актов сознания от обыденных или иных социокультурных наслоений. Феноменология стоит на целостной, персоналистической позиции. Гуссерль освобождает мышление от стереотипов (феноменологическая редукция) и предлагает анализировать социальный мир как *Umwelt* с разнородными направленностями сознания ценностно-смысловых групп. Социальность у Гуссерля — это интересубъективное, мезомир на стыке субъективного и объективного, сплетение индивидуализированных исторических смыслов. Дальнейшую проработку категории интересубъективного продолжили социокультурно ориентированные последователи и продолжатели Гуссерля: Р. Ингарден, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Б. Вальденфельс. Их работы — это методология чистого восприятия объекта, вместе с тем представляют собой достаточно строгие

и систематические учения для репрезентации жизненного мира участников с высокой степенью точности. Уникальность и ценность феноменологии заключается в том, что она, в сравнении с другими количественными и качественными методами и подходами (конструктивизм, этнографистика, биографистика, исследование действием, контент-анализ, феминизм, гендерный подход, критическая теория, постструктурализм, психоанализ, исследование медиа, деконструктивизм, нарратология, исследования культуры), вдохновляет нас на более глубокое понимание ценности жизненного мира. Задача для феноменологов заключается в том, чтобы снять понимание чистой предметности с объекта и донести его до реципиентов научного знания. Субъект является единственным получателем знаний, с другой стороны, наблюдаемый объект — это хранитель уникальной предметности.

Британский логик и математик Бертран Рассел всю жизнь обращался к философии для разрешения вопросов морали, познания, свободы: «Ценность философии на самом деле во многом связана с самой ее неточностью. Человек, лишенный вкуса к философии, живет в плену предубеждений, подсказанных здравым смыслом, представлениями своего века или своей нации, взглядами, не проверенными зрелым рассудком. Такому человеку мир кажется определенным, конечным и ясным; обычные предметы не вызывают никаких вопросов, и неизвестные возможности с презрением отвергаются. Как только мы начинаем философствовать, наоборот, даже самые обычные вещи приводят к вопросам, на которые можно дать лишь очень неполный ответ... Философия может дать привычку к точному и внимательному мышлению, не только в математике или в естественных науках, но и в важных практических вопросах. Философия может дать беспристрастное и широкое понимание целей человеческой жизни. Она может дать человеку чувство меры в понимании своей роли в обществе, роли современности по отношению к прошлому и будущему, роли всей истории человечества по отношению к космосу. Расширяя мышление, философия создает противоядие тревогам и страданиям нашего времени и делает возможным то приближение к спокойствию, на которое способен чуткий разум в нашем измученном и неуверенном мире» [1, с. 304–308].

Иначе говоря, Рассел постулирует нравственную ценность философии. Философские суждения ценностно ориентированы, т. к. они задают аксиологическую (ценностную) иерархию. Ценность философии — во врачевании духа человека, его утешении. В этом человеку эмпирическая наука вряд ли может помочь. Философия учит нас следовать добровольно тому, что другие делают из принуждения.

Философия создала конкретные науки и затем от них же получила упреки в беспредметности и отвлеченности. Однако знать мир в целом — это не менее важно, чем знать в деталях какую-то область. Интеграционное значение философии сегодня необходимо как никогда, в эру частных областей знаний. Дисциплинарные науки дают узкое видение конкретных проблем, философия же производит сущностную определенность качественно иного порядка.

Феноменология продолжает философскую функцию безусловной и самой широкой рефлексии, охватывающей одновременно все конкретные идеалы сразу и мета-идеал, универсум всех норм [2]. Отдельные философские обобщения нашли свое место в дисциплинарном знании: линия, точка, число, материя, время, пространство, атом. Другие абстракции применяются широко в самых разных науках, гуманитарных, естественных, математических, инженерных: состояние,

действие, движение, качество, количество, мера, отношение, идея, принцип, реальность, субъект, объект, предмет, связь, взаимодействие, развитие, закон, система, структура, причина и следствие, возможность и действительность, форма и содержание, внешнее и внутреннее. Эти философские категории универсальны и помогают управлять познавательным процессом в любой отрасли знания.

Философия и феноменология

Философия помогает нам адаптироваться к глобализационным процессам, модернизации общества и морали, находя обоснование изменчивости мира. Философия находит связи между разнообразными процессами и явлениями, соединяет в мышлении антиномии: конкретное и абстрактное, единичное и всеобщее, подвижное и неизменное, конечное и бесконечное. Она возводит ограду вокруг сада цивилизации и проверяет его на прочность.

Работы Гуссерля и Хайдеггера, Ингардена и Шюца, Бергера и Лукмана обеспечивают доступ к субъективному знанию и чистому восприятию, вместе с тем представляют собой достаточно строгие и систематические учения для репрезентации жизненного мира участников с высокой степенью точности. Педагогический феноменолог Ван Манен описывает каждую когнитивную ситуацию как уникальный образовательный опыт, который возникает на стыках повседневности, поэтому текст и язык повествования должны учитывать индивидуальность реципиента [3]. Понимающая установка феноменологии — это вдумчивость, забота, эмпатия, сочувствие. Феноменология направлена на то, чтобы выразить суть процессов, вещей, ситуаций. Она учитывает контекст когниции: место, время, обстоятельства, коммуникации, реакцию среды. Феноменолог должен пройти процесс перевоплощения, как в фильме Д. Камерона «Аватар», чтобы понять, что значит быть ребенком, слепоглухонемым или бомжом. Как бытие является этому человеку? Через какие каналы она (он) получает гилетическую информацию? Как ощущает боль? О чем мечтает? Другое тело поочередно становится то субъектом, то объектом. Феноменологическая концепция тела связана как с эпистемологией, так и с онтологией. Когда тело изучают со стороны, оно выступает объектом наблюдения, но становится субъектом, когда его используют. Феноменолог Ж.-П. Сартр поставил под сомнение оппозицию субъекта и объекта. Наше рефлексивное сознание может переключаться с одного модуса восприятия на другой, что открывает возможность деконструкции, переделки, изменения бытия. Обреченный на свободу человек останавливается только перед Другим, который вносит разнообразие в модусы бытия: «бытие-в-себе», «бытие-для-себя», «бытие-для-другого» [4].

Обращаясь к Другому, мы должны быть беспристрастными, понимая, что наши *Lebenswelten* могут лишь частично пересекаться, а феноменология дает язык, который может раздвинуть горизонты жизненных миров. Жизненный опыт связан с теми областями человеческого существования, которые дают представление о ценностях, смыслах, значениях.

Обращение к повседневности субъективного стало классикой методологии социальных наук, и это то, что принесла феноменология в неклассическую рациональность. Так, она выступает фактором адаптации в современном сложном эмерджентном мире, сопряжения разных субъективных миров.

Философия — это всегда особый вид созерцательности (даршана). Умозрительными спекуляциями обычно брезгают в современном эмпирическом мире. За

спекуляцией закрепились дурная молва в целом, возможно, из-за экономического и юридического контекста. Однако не стоит забывать, что это философия научила нас размышлять, взвешивать умозрительные положения в ситуации, когда у нас слабая инструментальная база или когда невозможно проверить содержание суждений. Не все переходы и не всякое развитие могут быть объяснены из предшествующих фактов. Ценность философии состоит в переходе от описания к умозрению (теория), без которого у науки не было бы системы координат. Именно в этом видел ее ценность средневековый рационалист Сигер Брабантский, понимавший и защищавший ценность философии, которая для него была «не только преамбулой теологии, но и автономной наукой, имеющей свои принципы и свой собственный метод» [5, с. 84].

Философия морали и права спекулятивно формирует императивы социального поведения. Ее цель — формировать людей с лучшим образом мыслей — эмпирически не верифицируема. Вместе с тем мы признаем ценность такой философии практического разума, образец которой создал Иммануил Кант. Спекуляция здесь становится безусловным законом, и мы принимаем здесь деонтическую роль философской спекуляции.

В «Феноменологии духа» Гегель объясняет, что спекулятивное мышление снимает напряжение в зазоре в-себе-бытие и дискурсивное, субъект и предикат [6, с. 10]. Общность феноменологии со спекулятивным идеализмом заключается в подвижности горизонтов финальной феноменологической данности. В частности, релятивизация феноменологической очевидности имеет место, когда мы говорим об универсуме возможных жизненных миров, о корреляции конкретностей, полимодальности истории.

С другой стороны, понимание жизни как самореализации освобождает феноменологию от спекулятивных обязательств, возвращает ее к реальности сознания [7, с. 301]. Я-полнос феноменологии означает элиминацию всякого возможного онтического и обращение к субъективной данности как первофеномену. Человеческая субъективность — постоянно доступный объект познания, наделяет бытийными смыслами континуум наличного существования. В своей максиме возвращения к вещам как они есть феноменология минует спекулятивный путь и утверждает себя как реалистическая философия. Можно также продолжить эту мысль и провести операцию обращения. Всякая реалистическая философия будет стремиться избегать спекулятивной игры и достигать понимания вещей. Чистый анализ вещей, схватывание предметностей и разработку некоторых феноменологических категорий можно встретить у Платона и Аристотеля, Секста Эмпирика и Зенона Китийского, Дунс Скотта и Бонавентуры, Паскаля и Декарта, Ламберта и Канта, Фихте и Гегеля.

Догуссерлевское состояние феноменологии нельзя отрицать. Феноменология — это вид реалистической философии с упором на изучение сознания. Образцы реалистического феноменологического объективизма можно найти в трудах Больцано, Brentano, Пфендера [8, с. 130]. Еще более ранние тематизирования феноменологической проблематики мы встречаем у Платона, Декарта, Канта, Фихте.

Платон использовал термин φαίνόμενον «являющееся» для противопоставления явления и сущности вещи. Декарт создал основание для феноменологии в виде беспредпосылочности *res cogitans* или мыслящего бытия. И. Ламберт впервые стал

использовать имя «феноменология» для обозначения дисциплины, изучающей модулы сознания, включая воображение, грезы, кажимости. Фихте принадлежит изобретение интерсубъективности, исключительно важного концепта для социокультурной феноменологии. Кант построил свою теорию познания на оппозиции ноуменально и трансцендентально существующей «вещи-в-себе» и феноменальной «вещи-для-нас». Он также затрагивал проблемы эпистемических оснований убеждения, гносеологический статус веры. Если у Канта разум синтезирует трансцендентальные формы, составляющие подлинное и независимое бытие, то «Феноменология духа» Гегеля раскрывает эволюцию форм сознания в своем движении к абсолютной идее. Гегель против агностицизма Канта, где вещь отделяется от ее внутренней сути. Гегель полагает, что вещь может быть познана в многообразии своих проявлений. Гуссерль вкладывает в феноменологию новый смысл. Для него она означает дескриптивный философский метод работы с сознанием. Замысел Гуссерля заключался в том, чтобы преодолеть позитивистскую психологию и отмежеваться от неокантианства, не проводившего радикального различия между субъективным и объективным. Идеи Гуссерля затем проникли в область психологии, педагогики, языкознания, искусствоведения и включились в ценностно-смысловое поле гуманитарного знания. М. Шелер — в этике; Ж. Гурвич, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман — в социологии; Н. Гартман — в философской онтологии; Р. Отто, Э. Штейн — в философии религии и теологии; А. Койре — в философии науки — применяли метод феноменологии и превратили феноменологию в одно из наиболее влиятельных течений гуманитарной мысли.

Профессор Е. А. Счастливецва обращает внимание на то, что феноменология вернула онтологизм после кантовского гносеологического выхолащивания философии. Возвращение «назад к вещам» способствовало отстранению от психологической программы, абсолютизирующей психологические законы познания истины: «Обаяние феноменологии, если так можно выразиться, заключается как раз в использовании метода разделения философии на психологию и логику. Если основной вопрос философии решается психологическими средствами, он решается нефеноменологически. Если же все психологические моменты «отбрасываются» и вводится определение «чистого сознания», чистой рациональности и используется понятие интенциональности, корреляции и т. д., то здесь очевидно применение феноменологического метода» [9, с. 72].

Гуссерль выводит логику из объятий психологии, разделяя смысл суждения и его акт. Феноменология для него и его последователей структурирует смелые методологические достижения философии за многие века: 1) критическое отношение к системам идеализма, 2) обращение к фактам и очевидностям субъективной и социальной жизни, вместо метафизических обобщений, 3) неприятие субъективизма и релятивизма, 4) умеренная натурализация и математизация социокультурного познания с целью возвращения философии ее научного статуса, 5) описание чистых сущностей как принципиальное отличие от теорий метафизики и естествознания. Помимо этого он разработал когнитивную технику с помощью нюансированного терминологического аппарата: предмет, смысл, идеация, интенциональность, конститутивность.

Феноменология — недостающее звено

Обратимся к теме феноменологии социокультурных объектов, которая сохраняет вектор философии Э. Гуссерля по превращению философии в строгую науку.

Создателя особого философского направления увлек проект созерцания сущности мышления и высвобождения «я» из-под гнета социокультурных наслоений. Феноменологическое движение весьма разнородно, последователи Гуссерля разносторонне обращались с феноменологией и основоположник их не контролировал.

М. Шелер, Н. Гартман, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, П. Рикер, Э. Левинас трудились в разных областях социогуманитарной мысли. При этом феноменологию трудно назвать единой школой. Феноменологические проекты каждого философа самостоятельны и редко формируют школу. Феноменология сразу шагнула из круга Гуссерля в широкое движение, минуя научные школы. Практически каждый феноменолог стал крупным мыслителем со своими идеями, творчески воплотив гуссерлианские мотивы. Кто-то взялся за описание внутренних состояний, кто-то — за тему бытия, кто-то — за исследование творчества, искусства, нравственности. Все эти разнообразные исследования формируют территорию смыслов феноменологии и круг ее интересов, которая стала неклассической ризомой, нежели классической парадигмой. Это интересно, но и ставит перед философами проблему, кто есть чистый феноменолог и насколько. К тому же в самом феноменологическом круге Гуссерль критиковался старшими феноменологами (Ф. Brentano, К. Штумпф), а его последователи вообще с трудом находили консенсус.

Тем не менее феноменологические идеи оказались столь привлекательны, что, несмотря на неразбериху в самом движении, они продолжают обсуждаться и влиять на самые разные области познания, что и требует от нас говорить о феноменологии как достаточно интегрированном направлении. Феноменология не появилась только из-за Гуссерля, в его творчестве она оформилась уже в зрелые годы, однако он остается главной фигурой, с которой ассоциируется этот подход дескриптивной психологии. Также нельзя считать, что феноменология принадлежит только к истории философии. Вопреки тому, что феноменологий столько же, сколько и феноменологов, их всех объединяют базовые методологические установки, зафиксированные Гуссерлем: эпохэ, интенциональность, конститутивность, интересобъективность, жизненный мир.

Среди всех адептов Гуссерля лишь Роман Ингарден продолжил линию выработки строго научного описания общества и культуры [10; 11]. Феноменология — рабочий инструмент для анализа самых разных социокультурных объектов (науки и религии, повседневного и торжественного), который одинаково отстранен от оснований идеализма — материализма, субъективизма — объективизма, потенциального — реального, сущности — процесса, внутреннего — внешнего, индивидуализма — коллективизма, рационального — чувственного и прочих гносеологических бинаризов, ставящих искусственные и уже неадекватные препоны познанию. Вероятно, Ингарден и есть продолжатель феноменологической миссии по фундаментальной перестройке философии, которую еще сформулировал Ф. Brentano, а после Ингардена продолжали А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Б. Вальденфельс.

Феноменология жизненных миров

Бракетирова эмпирический мир, феноменолог прежде всего воздерживается от уже имеющегося знания о нем, оставляя в стороне все утверждения, высказываемые в духе естественной установки, т. е. повседневного восприятия, в котором

«горы — это горы, леса — это леса, а поля — это поля». Подобным образом исключаются и все научные высказывания, вроде «горы — это форма рельефа, отличающаяся обособленным стремительным повышением местности». Исключая все обыденные и научные установки, феноменолог должен приблизиться к пониманию чистой ноэзо-ноэматической структуры. Гуссерль освобождает мышление от стереотипов (феноменологическая редукция) и предлагает анализировать социальный мир как *Umwelt* с разнородными направленностями сознания ценностно-смысловых групп. Социальность у Гуссерля — это интересубъективное, мезомир на стыке субъективного и объективного, сплетение индивидуализированных исторических смыслов. Дальнейшую проработку категории интересубъективного продолжили социокультурно ориентированные последователи и продолжатели Гуссерля: Р. Ингарден, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Б. Вальденфельс.

Эгология — это феноменологический акцент на «я» с его личной историей как основой для общественной истории, которая есть сопряженность смыслов повседневного коллективного бытия. Религия, наука, политика, искусство, с точки зрения социокультурной феноменологии, предстают как формы коллективной идентичности, дискурсивные эстафеты по самоутверждению.

Интенциональность, базовая характеристика сознания, означающая предметную направленность, не может быть реализована вне общества и выступает априорной предпосылкой любого эмпирического сообщества. Насколько имманентна/трансцендентальна интенциональность? Можно ли в самой интенциональности сознания усмотреть признаки трансцендентализма? Сам по себе акт корреляции вещи и ее образа в сознании — это трансцендентальный мост, соединяющий имманентное и Другое, или имманентный канал трансляции?

Миф, искусство, религия, право, мораль и даже наука позиционируются социокультурной феноменологией как формы социокультурной идентичности, а бытийный статус конструируемых ими миров во многом зависит от эстафет социальной памяти. Свойства этих конструкторов постоянно обновляются участниками коммуникации специфических малых групп, которые самоидентифицируются через структуры внутреннего опыта, коллективное самообразование.

Феноменология в этом смысле остается «теорией иллюзий», как ее называл И. Ламберт, или наукой, которая обращается к таким модусам сознания, как видимости, заблуждения, фантазии, творческое воображение. Позднее Фихте отходит от негативного восприятия кажимостей (*Schein*) и утверждает феноменологию как науку о являющемся (*Erscheinungslehre*) [12].

Множественность, как особая тема актуального социокультурного бытия, решается феноменологией не онтологизацией частного, не плюрализацией хаоса, а его позиционированием в интенциональные конститутивные формы жизненных миров.

Феноменология Р. Ингардена

Особо следует отметить вклад в разработку социокультурных оснований научного и религиозного мировоззрения Р. Ингардена. Сфера его интересов очень широка: работы по эстетике, этике, аксиологии, онтологии, гносеологии, метафизике. При этом польский философ последовательно воплощал феноменологические принципы во всех исследованиях. Он критически относился к позитивизму, историцизму, релятивизму и полагал, как и Гуссерль, что философия должна быть

научной. Его сближало с учителем и то, что оба начинали как математики. Преподавание математики кормило Ингардена и его семью до того, как он был зачислен в штат университета во Львове. Расхождение Ингардена и Гуссерля заключается в вопросе зависимости мира от сознания. Гуссерль находился на позиции трансцендентального идеализма, в то время как Ингарден тяготел к реализму, справедливо полагая, что физический мир не зависит от нашего сознания. Особой сферой его интересов стала онтичность произведений искусства: музыки, литературы, архитектуры. Здесь он опирался на феноменологический анализ, отличая социокультурные объекты от физических в силу их интенциональных свойств, простираемых в историю и культуру.

Несмотря на то, что у него не было отдельных штудий по науковедению, философии науки, его социокультурная феноменология служит эффективным инструментом интерпретации научных сообществ. Достижения Р. Ингардена весьма многогранны, они находятся на стыке онтологии, феноменологии, эстетики, а также теории науки. Особенно ценна его слоистая онтология, где помимо физического мира выделяются идеальный мир математики и геометрии и интенциональный мир гуманитарных наук и культуры. Религия, право, искусство, наука как социальные институты хранят устойчивость своих жизненных миров благодаря интенциональности агентов своей группы.

Р. Ингарден анализирует двоякую природу социокультурных объектов (флаг, церковь, литературное произведение). Несомненно, они обладают зависимостью от материальных посредников (ткань, здание, книга). Существенно, что они суть продукты общественного сознания, интенций граждан, верующих, читателей. Последнее и делает интенциональные объекты частью жизненного мира и социальной памяти. От этого зависит их устойчивость: если их забудут, они перестают существовать как социокультурные объекты, что делает их онтически недолговечными.

Научные концепции — более сложный продукт, связанный не только с материальным миром техники, но и с идеальным. Линия, точка, число не материальны, но существуют во всех развитых культурах. Одна из фундаментальных теорем евклидовой геометрии была открыта не только Пифагором, ее знали в Египте, Вавилоне и Китае. Несмотря на то, что цифры разные в различных символических системах, числа — одинаковы для всех. Не только геометрические и математические объекты идеальны, существуют важные идеальные модели в физике, без которых невозможна эта наука: идеальный газ, абсолютно черное тело, абсолютный ноль. Химия основана на базовых элементах, которые, по сути, идеальны, т. к. в природе мы встречаем в основном изотопы и относительно чистые элементы. Таким образом, наука пользуется информацией из реального мира, обращается к идеальному миру, у ученых, как социальной группы, есть масса конвенций, которые можно считать интенциональным миром. Примерами договорной истины могут служить Копенгагенская интерпретация в квантовой механике, метрологические стандарты; Конституция и международные соглашения в юридической науке. В этом смысле наука — наиболее богатая сфера культуры по взаимодействию с разными мирами: материальным, идеальным, интенциональным.

Научное познание не может избежать индивидуальной конкретизации порождения знаний и значений, что выражается в авторском стиле, порядке ценностей, типизаций восприятия прошлого и будущего, самоидентификации.

Объекты идеального мира существуют независимо от материальных носителей (точка, фигура, прямая, отрезок, число). Без идеальных объектов наука невозможна, как и без конвенций, соглашений ученых, т. е. интенционального бытия. Так, абстрактность, истинность, объективность, справедливость и т. п. не существуют как физические объекты, их не найти в природе, однако они необходимы для юридической практики и научной деятельности. Естествознание, информатика, инженерные науки зависят от идеальных объектов. Поэтому мы не можем игнорировать онтическую гетерогенность, и заслуга Ингардена заключается в том, что он указал нам на неоднородность бытия.

Возвращаясь к социокультурному бытию, эстафеты социальной памяти поддерживают художественные, эстетические, этические ценности [13, с. 260]. То, почему мы помним или забываем культурные объекты, есть факт интенционального интересубъективного мира. В этом модусе находится огромный пласт культур, и игнорировать его специфическую реальность будет неправильно. Она опосредует индивидуальное и коллективное сознание. Конечно, интенциональные объекты — это не цунами и не гроза, они не угрожают безопасности напрямую. Однако социальные конфликты тесно связаны с интенциональным миром, поэтому его нельзя редуцировать до грез и беспредметных утопий. Человек — биосоциальное существо, и весь его прогресс основан на социальных интеракциях. Какими бы бестелесными они не казались, от этого модуса зависит судьба человека, обществ, цивилизаций. Их существование определяется индивидуальным и коллективным сознанием, поэтому помещается в особый экзистенциальный модус.

Феноменологическая ценность жизненного мира

Существенной вводной концептуализацией выступает тема гуманизации повседневности. Постулируется повседневность как высшая реальность для индивида и социальной науки. Именно здесь зарождаются будущие понятия, значения, теории и законы [14].

Повседневность предоставляет богатый ассортимент смыслов и потребностей, нуждающихся в фиксации и превращении в социальные порядки. Она начинается с активности в определенном интересубъективном жизненном мире и генерации значений в той области, где у одного индивида больше профессионального опыта, чем у другого. Для Бергера это такая же первостепенная реальность, как сознание для Гуссерля. Очевидность как сознания, так и повседневности изумительна, а их игнорирование наукой и обыденным восприятием поражает. Все иные антропологические и социологические области познания в сравнении с сознанием и повседневностью представляются частностями, модальностями.

Ребро жесткости социокультурной феноменологии — это категория «символический универсум», введенная Бергером и Лукманом в «Социальном конструировании реальности» и понимаемая как «матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография ... происходящие в рамках этого универсума» [14, с. 157]. Важнейшее понятие социального конструктивизма возникло на стыке символического интеракционизма и феноменологии. Идея социологии знания заключается в том, что видимый порядок институтов обеспечивается невидимым символическим порядком установок, предпочтений, конвенций, ценностей, смыслов, значений, хранится в мемориальном депозитарии социальных групп. Описывая области значений символического универсума и механизмы поддержания его устойчивости,

авторы оперируют терминами *жизненный мир, уровни легитимации, институциональный порядок, хаби́туализация, объективация*.

Феноменологическая легитимация развития общества в его символическом универсуме обнаруживает отсутствие виноватых, но присутствие большого количества пострадавших от реализации социально опасных идей, основанных на дискриминации. Социум генерирует и транслирует большой фонд идей, некоторые из которых могут оказаться востребованными в кризисные моменты развития общества. Самые маргинальные концепции канализируются в доминантные дискурсы, когда идет деконструкция традиционных институтов. Легитимация насилия — это механизм выживания и защиты, реализуемый коллективным бессознательным. Прояснением социальной повседневности, ее археологией и генетикой и занимались Питер Бергер и его напарник Теодор Лукман. В своих трудах ученые объясняли, как ночная экзистенция может стать дневным кошмаром для общества.

Смыслы (предметности) Гуссерля развиваются до множественности коннотаций (смыслов) у его ученика Э. Левинаса, запускающих автокоммуникацию и внутренний диалог. В экзистенциализме, течении близком к феноменологии, смыслы приобретают значение модусов существования; Другие превращаются из чужих в локализованные смысловые домены. Структурализм свидетельствует о механике смыслов, их дискретности и способности к сборке новых смыслов, о способности структур к смыслопорождению.

Феноменолог А. Шюц дал очень точное описание социокультурной реальности, назвав ее «мир, светящийся смыслом». Возможно, с подачи феноменологии смыслополагание сегодня понимается во множественном числе, говорят о «территории смыслов», «поиске новых смыслов в экономике». Смысл становится плюральным, парциальным и текучим. Это одно из важнейших достижений философии, использование такого концепта как «смысл» во множественном числе. Общество, действительно, представляет собой гигантскую территорию смыслов, находящуюся в постоянной флуктуации, конкуренции и актуализации. Обыденное, дотеоретическое является пулом для выработки новых интенциональных социальных продуктов, поддерживающих стабильность коллективных миров: церковь, монархия, конституция, деньги и т. д.

Жизненный мир, по П. Бергеру, — это *finite province of meaning*, убежище смыслов, пристанище повседневности. Это пространство, где есть место пониманию и подвигу для своих. Повседневность получает высокий статус благодаря включенности индивида в этот мир и способности переходить от одной повседневности к другой. Интенциональность подобна фонарю, освещающему разные аспекты реальности, подручные в настоящий момент для индивида. Своя повседневность признается нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяет этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируются как нейтральные. А те, кто покушается на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги.

Актуализация Другого возвращает нас к концепции конкретизации Ингардена, который на примере художественного произведения показал, что это не только совокупность сказанного, но и сумма минус стратегий, остающихся за кадром, но подразумеваемых. Так и в социальной жизни огромное количество процессов происходит за спиной субъекта, и для того чтобы столкнуться с ними, его

интенциональность должна включиться. Без интереса к иной повседневности интенциональность остается в сумерках. В этом контексте ученый-гуманист — это тот, кто стремится свести горизонты повседневности в более широкую панораму, сделать из множества разрозненных индивидуальных набросков обобщенную социальную конструкцию.

Понимание Другого возможно внутри его повседневности как реальности *par excellence*. Именно в этой сфере сознание генерирует смысложизненные структуры, социальные порядки, объективации иных умвельтов, проекции прошлого на будущее. Отдельные локусы социальной памяти переплавляются в повседневности и становятся новыми точками сборки реальности. Это репрессивная тривиальность, массовое производство героических образов, где конструируются яркие объекты консьюмеризма. Это можно конкретизировать на примере фабрики политических конструкций, когда могилы вчерашних государственных преступников ресакрализуются и позиционируются как места силы новой государственности. Процессы героизации мертвых можно наблюдать в деятельности отдельных социальных групп на Северном Кавказе (руководители борьбы горцев), Украине (бандеровцы), России (Николай II и царская семья).

Феноменология религии

Научный мостик между религией и обществом строили многие мыслители — Л. Фейербах, Ч. Дарвин, К. Маркс, Р. Доукинз. Однако никто из них не может быть примером понимающего, феноменологического подхода. В их трудах мы не встречаем усилий по исключению когний, суждений и мыслей обусловленного человека о религии. Феноменолог должен прийти к созерцанию чистой ноэзо-ноэматики структуры или мысли и ее смыслопорождения.

Наиболее последовательную феноменологическую позицию к религии представил Рудольф Отто в произведении «*Das Heilige*», где он раскрывает религиозное как нуминозное или непосредственное переживание Другого, происходящее в различных субъективных модусах (присутствие, откровение, вера, благодать, аскеза, транс, экстаз, одержимость, харизма), интерсубъективных (искупление, грех, святость) и объективированных сущностей (молитва, ритуал, жертвоприношение).

Мирча Элиаде (1907–1986) — еще один мыслитель, разработавший учение о манифестации сакрального — от архаических форм мышления до десакрализованных мифов современности.

Феноменология религии означает повышение точности ее социокультурного описания, фиксация нюансов ее самоконструирования через интерсубъективность жизненных миров. В феноменологии религии реализуется баланс между рациональным и иррациональным в познании религии, идет поиск единых архетипических форм проявления священного, тематизация рекуррентных форм и сущностных структур различных религий. *Das Heilige*, *tremendum*, нуминозное, харизма, катарсис, Другой, трансцендентное — эти референциальные универсалии находятся в одном феноменологическом дискурсе и становятся посредниками в диалоге между разными религиозными системами.

Феноменология является адекватным способом апперцепции гетерогенных объектов социокультурного мира. Религиозная динамика, отношения религии и науки, ценности и мотивации религиоведов, новые религии, государственно-цер-

ковные отношения, — все эти темы раскрываются феноменологией как проявления жизненного мира, bracketируя исторические, социальные, психологические, антропологические наслоения.

Выводы

Феноменологическая редукция, эпохэ, молчание, bracketирование — все это разные обозначения для научной нейтральности и объективности. Генеративность современной культуры основана на расплывающейся ризоме нарративов. Феноменология фиксирует не только кто говорит, но и по какому каналу, с каким эффектом, какими средствами. Таким образом, она сближается с дискурсивным анализом. В условиях текучей социальной intersубъективности дискурсивные практики играют особую роль в производстве социальных значений и проектировании смыслов и ценностей. Постоянная артикуляция, настройка и негоциация дискурсов приводит к особому факту медийного общества — дискурсе или единице смысла, истинность которого поддерживается хрупкими социальными конвенциями сетевых сообществ и агентов медиа. Дискурсема — самый настоящий интенциональный объект, дискутируемый фейк или вирусная публикация, оказывающие воздействие на будущее независимо от достоверности.

Феноменологический анализ религии и науки — это описательная процедура разграничения дискурсивных и онтических объектов, основанная на категориях многослойности, интенциональности, жизненного мира, конститутивности, intersубъективности, эпохэ.

Вспомним, что феноменологию еще называют дескриптивной психологией. Процедура строгого описания дискурсивных и медийных объектов — это и есть феноменологический анализ. Актуальное значение социокультурной феноменологии или ноэзо-ноэматического подхода заключается в очищении содержания актов сознания от обыденных или иных социокультурных наслоений. Феноменология стоит на целостной, персоналистической позиции.

Современное общество гиперускорения открывает плюралистические миры информации, идей, знаний, ценностей. Феноменология может стать проводником в когнитивном массиве и помочь оценивать ценность знаний с точки зрения их применимости к ситуации здесь и сейчас.

Феноменология также выступает посредником в диалоге науки и религии. В годы преподавания в Польше Ингарден повлиял на становление католической феноменологии. Преподавание феноменологии ученика Гуссерля увлекло К. Войтылу (будущего папу Иоанна Павла II), который сам оставался на позициях религиозной феноменологии [15].

Эмпирическая Вселенная науки и трансцендентный мир религии сходятся в жизненном мире субъекта, носителя сознания. Феноменология указывает, что идеи несоизмеримости и непримиримости двух миров исходят из игнорирования равного статуса двух мировоззрений как специфических символических систем. Причем религия, как символический язык реальности, значительно дольше обеспечивала устойчивость человеческого общества, нежели наука. Феноменология предлагает снять когнитивный диссонанс через методики эмпатии, слушания, внимания жизненному миру.

Логодицея философии заключается в том, что она организует хаос Вселенной в смысловой мир; она позволяет пережить крах и энтропию, абсурд и меланхолию, увидеть непрерывность причинно-следственных отношений и историческую

справедливость, целесообразность и необходимость, предназначение истории и свободу.

Поиск истины — это вечная тема философии, которой служит множество направлений и течений. Феноменология продвинулась в понимании необходимых сущностей, их различении от контингентных, континуальных. Она востребована как транскультурная методология, устанавливающая связь между классикой и нон-классикой, религией и наукой, вносит существенный вклад в метафизику и межконфессиональный диалог.

Колониализм усугубил конфликт рациональностей Востока и Запада, а постколониализм лишь поменял вектор виктимизации. В связи с этим феноменология Э. Гуссерля стоит особняком в ряду прочих выдающихся достижений сугубо западной философии, поскольку она позволяет обращаться к инокультурному опыту, вынося за скобки («бракетирова») собственные культурные стереотипы. Феноменология представляется также перспективной в плане ее сопоставления с восточными психотехниками в силу того, что феноменология — одно из немногих направлений в западной философии, признающее аподиктичность сознания, его преданность. Психологическая, эйдетическая и трансцендентальная редукции схожи с техниками медитации, а эпохэ — с маундой в йоге, отказом от обыденных суждений [16].

Сравнение феноменологии с восточными психотехниками позволяет подчеркнуть важность разрыва Гуссерля с традицией спекулятивной философии. Феноменология — это чистый опыт самонаблюдения и фиксации состояния рефлексизирующего «я». Подобная радикальная интеллектуальная позиция роднит феноменологию с позицией йоги и тибетского буддизма, которые также построены на разрыве с прошлой традицией. Культурные оболочки сбрасываются для обоснования опыта созерцания трансцендентального «я». Достижение феноменологии состоит не только в том, что она как реформаторское направление в философии решает задачу преодоления кризиса социальных наук в Европе благодаря выходу из тупика позитивизма и спекулятивной философии. Ее мировое достояние заключается в разработке кросс-культурной методологии исследования, благодаря которой такие системы, как веданта, йога, буддизм и сама феноменология, могут находиться в едином интересубъективном поле.

«Реалистически-феноменологический образ действий в классическом и универсальном смысле слова и действительно предметное мышление могут объединять представителей различных религиозных и культурных традиций. Ведь подобное мышление не есть отражение системы, присущей исключительно «Западу», только «иудаизму, «греческой» или «азиатской культуре», только христианству или «исламу». Ведь для подобной ориентированной на истину системы важна не только верность «собственной традиции», а истина. Ее принципом является любовь к истине, и потому она, безусловно, исходит из общечеловеческого, философски релевантного и аутентичного опыта, в котором нам открываются не просто эмпирические факты, а интеллигибельные сущности вещей. Этот опыт доступен всем людям повсеместно» [17, с. 9].

Феноменология задает стандарт реалистической философии. Опора на такие категории, как ноэза, ноэма, рефлексия, естественная установка, эпохе, феноменологическая редукция, идеация, жизненный мир, конституитивность, многослой-

ность, интенциональность, интерсубъективность, конкретизация, дает непосредственный опыт изучения сознания каждому заинтересованному индивиду. При этом феноменология раздвигает горизонты от понимания личности до понимания функционирования и развития коллективных субъектов. Р. Рорти полагает, что философия уже потому полезна, потому что у нее есть особый вид дискурса о сознании [18]. Исследование сознания делает феноменологию полезной. Она обращается к естественной установке жизненного мира, описывая его непосредственный опыт; обнаруживает общие экзистенциальные темы, интерсубъективные умелы; различает слои индивидуализированных и коллективных смыслов.

Литература

1. Рассел Б. Философский словарь разума, материи, морали. Киев: Port-Royal, 1996. 368 с.
2. Калиев Ю. А. Итегративный смысл философского знания // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12195> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Manen M. van. *Researching Lived Experience: Human Science for an Action Sensitive Pedagogy*. Routledge, 2016. 220 p.
4. Сартр Ж.-П. Название: Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
5. Быховский Б. Э. Сигер Брабантский. М.: Мысль, 1979. 183 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 444 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. Зайферт И. Значение логических исследований Гуссерля для реалистической феноменологии и критика некоторых гуссерлевских тезисов // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 130–152.
9. Счастливецва Е. А. Реалистическая феноменология Н. О. Лосского и трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля // Вече. 2010. № 21. С. 71–82.
10. Тимощук Е.А. Природа социокультурных объектов в философии Романа Ингардена // Неклассическое общество: векторы развития : материалы всерос. науч.-практ. конф. / Владим. юр. ин-т.; Каф. гуманитар. дисциплин. Владимир: Изд-во ВЮИ, 2008. С. 98–100.
11. Тимощук Е. А. Феноменология культуры Р. Ингардена // Проблемы культуры в российской и польской научной мысли: материалы междунар. конф. (21–23 мая 2012 г.). СПб., 2012. С. 70–73.
12. Thomas-Fogiel I. Fichte and Levinas. The Theory of Meaning and the Advent of the Infinite // *Fichte and the Phenomenological Tradition*. Berlin/New York: De Gruyter, 2010. P. 70–85.
13. Ingarden R. *Ontology of the work of art*. Athens: Ohio, 1989. 342 p.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
15. Póltawski A. Fenomenologiczne podstawy etyki według Karola Wojtyły // *Spór o etykę*, red. J. Pawlica. Kraków, 1999. S. 203–206.
16. Лебедев М. В., Тимощук А. С., Тимощук Е. А. Феноменология как кросс-культурный мост между Востоком и Западом // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. Ежегодник. 2007. № 8. С. 67–83.
17. Атлас Д., Куренной В. Антология реалистической феноменологии. М.: Изд-во Инта философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 744 с.
18. Gross N. Richard Rorty. The Making of an American Philosopher [Электронный ресурс]. URL: <https://www.press.uchicago.edu/Misc/Chicago/309903.html> (дата обращения: 28.10.2019).

To the 160th anniversary of E. Husserl

PHENOMENOLOGY OF OBJECTIVITY

Elena A. Tymoschuk

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

59a Gorkogo St., Vladimir 600017, Russia

E-mail: e@timos.elcom.ru

The article provides insight into the phenomenological method as a special objectified contemplativeness based on the fundamental principle of Husserl's "Back to Things Themselves". We submit to consider phenomenology a necessary course for the development of non-classical science, proceeding from the principle that phenomenology can claim the status of realistic philosophy. The works by Husserl and Heidegger, Ingarden and Schütz, Berger and Luckmann provide access to subjective knowledge and pure perception, but at the same time they are quite rigorous and systematic for high accuracy representation of the life world of participants. The uniqueness and value of phenomenology lies in the fact that in comparison with other quantitative and qualitative methods and approaches (constructivism, ethnography, biography, action research, content analysis, feminism, gender, critical theory, post-structuralism, psychoanalysis, media research, deconstructivism, narratology, cultural studies) it inspires us to a deeper understanding of the value of lifeworld. The task for phenomenologists is to remove the understanding of pure objectivity from the object and bring it to the recipients of scientific knowledge.

Keywords: E. Husserl; objectivity; intentionality; layering; lifeworld; epoché.